УДК 332.021.8
DOI: 10.17223/19988648/54/4

Е.Е. Румянцева, О.Л. Шутов

ПРОЖИТОЧНЫЙ МИНИМУМ И МРОТ: ПРОБЛЕМЫ УПРОЩЕНИЯ ПОДХОДОВ И ИСКАЖЕНИЯ РЕАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Прожиточный минимум и минимальный размер заработной платы, являясь базовыми социальными нормативами, не только формально определяют порог бедности, но и выступают важнейшими инструментами государственного регулирования уровня жизни, оказывая заметное влияние как на его повышение, так и его снижение. Дискуссия относительно методик расчетов, проводимая с начала 1990-х гг., не окончена, а прожиточный минимум и минимальный размер заработной платы оказались настолько заниженными и одновременно искаженными, что уже не только независимые эксперты, относительно свободные в своих оценках, но и аналитики Правительства Российской Федерации, предварительно проходящие цензуру публикаций, констатируют необходимость изменения подходов к установлению прожиточного минимума и минимального размера заработной платы на федеральном и региональном уровнях. Авторы предлагают изменить практику применения упрощенного подхода к расчету прожиточного минимума и минимального размера заработной платы и на основе проведения всероссийского обсуждения проблемы с профессиональными и независимыми экспертами принять новую методику, опирающуюся согласно требованиям Международной организации труда на метод социологических опросов, с помощью которого будут измерены реальные доходы и расходы низкодоходных групп населения, нормативный метод, отражающий рациональные нормы потребления, соответствующие здоровому образу жизни, а также метод соблюдения макроэкономических пропорций, принятых международным сообществом, называемый относительной бедностью. Комплексное применение этих методов является, по мнению авторов, перспективным развитием научных исследований и вызовет изменения содержательной части законодательства в этой сфере. Главным результатом перехода к новой методике установления федеральным и региональным законодательством России прожиточного минимума и минимального размера заработной платы в условиях сокращения дифференциации в оплате труда государственных и муниципальных служащих и работников бюджетной сферы станет снижение числа бедных и уменьшение степени глубины социального неравенства.

Ключевые слова: *прожиточный минимум, минимальная заработная плата, бедность, социальное неравенство, уровень жизни, социальные нормативы, социологические опросы населения, эффективность социальной политики, Международная организация труда, искажение статистических данных, гендерные различия, показатели достойного труда, незащищенная занятость*

Введение

Прожиточный минимум (ПМ) и минимальный размер оплаты труда (МРОТ) – взаимосвязанные категории, являющиеся в настоящее время

предметом политических, научных дискуссий, различий в правовых подходах и конкретных показателях в разных странах мира и также в регионах России.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» назначение ПМ – оценивать уровень жизни населения страны, устанавливать минимальный размер труда и социальные выплаты, выделяемые из федерального и регионального бюджетов, являться одним из ключевых параметров федерального и региональных бюджетов и использоваться для иных целей (добавим, например, для контроля уровня и динамики бедности в стране) [1]. Соответственно, установление разных уровней ПМ и МРОТ по-разному мотивируя трудоспособное население, может улучшать или разрушать состояние рынка труда, а также уменьшать или увеличивать количество бедных. Чем выше устанавливается ПМ и МРОТ, тем выше уровень жизни в той или иной стране мира, том или ином регионе, поскольку выше размер доходов различных категорий граждан, определяемый и выплачиваемый через этот механизм государственного регулирования экономики и социальной сферы. Чем ниже официально определен ПМ, тем меньшее количество бедных будет фигурировать в данных государственной отчетности. В связи с проявлением таких манипуляций в международном сообществе получило развитие научное направление, посвященное проблемам искажения данных официальной отчетности о количестве бедных с целью экономии на социальных выплатах со стороны государства. Например, применение определения ООН понятия «трущобы» приводит к переоценкам национальных данных о числе бедных в 4 раза [2]. Было подсчитано по Китаю, что при пороге бедности в 1,25 долл. за день национальный уровень бедности в 2009 г. составлял около 12,6%, а при пороге в размере 1,50 долл. за день – 16,8% с использованием порога бедности [3] и еще больше бедных при дальнейшем повышении порога бедности.

Рост бедности влечет за собой, в свою очередь, и рост бремени болезней, так как в соответствии с исследованиями состояние бедности ухудшает здоровье и психику [4–6]. Проведенными исследованиями также установлено, что дети, живущие в семьях с низкими доходами, подвергаются большему риску жестокого обращения с ними [7]. Именно с бедностью (и с неудовлетворительным обеспечением безопасности также со стороны правоохранительной системы) связывается уличный бандитизм. К. Ямада напоминает, что законодательство о минимальной заработной плате было введено и затем расширено с целью уменьшения числа бедных и социального неравенства в странах мира [8], что во многом формирует направления анализа величины ПМ.

Обладая большой значимостью в определении множества производных показателей, оказывая существенное влияние на уровень жизни, установление размера ПМ зависит от той концепции, которая применяется при его расчетах. Неслучайно, например, Р. Поллин подчеркивает сложность количественной оценки ПМ, поскольку она предполагает проработку многих

значимых теоретических вопросов [9], которые для России пока носят широко дискуссионный характер.

Некоторые исследователи пересчитывают действующий уровень ПМ в соответствии с изложенными в научных публикациях изменениями в методах расчета и получают уровень ПМ и, следовательно, МРОТ в 2 и более раз выше действующего.

В то же время проблема бедности изучается в России все еще недостаточно. В 2018 г. президентом России В.В. Путиным была поставлена задача сократить за шесть лет (к 2024 г.) бедность в стране в 2 раза. Однако руководство некоторых регионов (например, Республики Тыва) критикует местное научное сообщество за отсутствие у них интереса к проблемам бедности населения. Данная ситуация характерна и для научных учреждений федерального уровня.

Международная концепция количественного определения ПМ и МРОТ и необходимость изменения государственной политики их установления в России

Установление государством МРОТ как социально значимого порога, не допускающего принят работодателями «неоправданно низкой заработной платы» [10] для работающих, было первоначально инициировано Международной организацией труда (МОТ) в 1928 г. В документах МОТ разъясняется, что минимальная заработная плата при соблюдении необходимого государственного контроля и санкций – это инструмент защиты занятости. В новейшей теоретической парадигме МОТ используются показатели оценки уровня защищенной и незащищенной государством занятости.

Понятие «прожиточный минимум» было введено МОТ позднее. В ст. 9 Конвенции МОТ № 82 «О социальной политике на территориях вне метрополии», принятой в 1947 г., устанавливается включение в расчеты ПМ таких основных потребностей семей работников, как продукты питания и их калорийность, жилище, одежда, медицинское обслуживание и образование [11].

Исходя из такой концептуальной трактовки, так как данная Конвенция Россией не ратифицирована, предполагается, что медицинское обслуживание и образование в нашей стране бесплатно, хотя это не соответствует реальной практике. На образование одного ребенка, ориентированного на дальнейшее поступление в вуз, во многом из-за несоответствия учебных программ в бесплатном и платном образовании и также наличие большого количества негласно действующих расходов надо предусмотреть в среднем примерно 1 млн руб. на 11 лет. Минимально на школьные расходы, по нашим оценкам и с учетом проведенного в 2015–2018 гг. общественного обсуждения, должно быть заложено в ПМ не менее 4 тыс. руб. в месяц.

Государственной думой РФ объявлено о присоединении России к Конвенции № 102 МОТ «О минимальных нормах социального обеспечения», принятой 4 июня 1952 г., в соответствии с которой ПМ должно гарантироваться медицинское обслуживание не только лечебного, но и профилактического

характера (ст. 7 Конвенции), что в России пока даже не начало обсуждаться, в том числе платные расходы на лечение, которые несут граждане в амбулаторных условиях, – «предоставление основных фармацевтических средств по предписанию врача или другого квалифицированного практика» с целями сохранения, восстановления и улучшения состояния здоровья социально защищенных лиц (ст. 10 Конвенции) [12]. Соответственно, должны регулярно проводиться соцопросы об изменениях состояния здоровья и оказании медицинской помощи разным низкообеспеченным группам населения.

«Главным положением этой Конвенции, – отмечается на официальном сайте Государственной думы РФ, – является то, что человек, выйдя на пенсию, будет получать пенсию не ниже 40% от утраченной заработной платы» [13]. Однако в этой Конвенции предусматривается защита не только пенсионеров, вышедших на пенсию по старости, но и безработных, временно нетрудоспособных, матерей детей дошкольного возраста, инвалидов, лиц, потерявших кормильцев с выплатами от 40 до 50% от трудового заработка [14], что не получило широкого публичного обсуждения, в отличие только одной позиции Конвенции, но также имеет важное значение, касаясь всего населения. При этом возникает и вопрос о феномене работающих бедных в России. Работающая бедность, означающая, что, несмотря на занятость, работающий не может вывести себя и своих иждивенцев из состояния бедности по причине слишком низкого дохода от их трудовой деятельности и (или) недостаточного объема работы, который он получает, рассматривается МОТ как результат социальной незащищенности занятых наряду с безработными и неформальными занятыми, т.е. теми, кто в силу нарушений норм права работодателями и недостаточной социальной ответственности государства перед гражданами на практике трудится без социальной и правовой защиты и дополнительных пособий. Недобровольная частичная занятость, при которой временным работникам платят примерно на 40% меньше, чем постоянным, а также непостоянная или ограниченная по времени занятость истощает продуктивный потенциал работающих, поставленных, по сути, в дискриминационные условия труда. В связи с этим должна проводиться оценка равенства возможности занимать высокооплачиваемые, социально защищенные должности как одна из характеристик состояния сферы занятости.

К показателям «достойного труда», которые МОТ рекомендует наблюдать для оценки состояния сферы занятости, относятся:

– доля работающих бедных;

– гендерный разрыв в оплате труда (различия в оплате труда между мужчинами и женщинами) и в сфере занятий;

– доля молодежи, которая не учится и не работает;

– доля неформальных занятых (высокий уровень данного показателя может указывать на неадекватные условия занятости и отсутствие новых рабочих мест в формальном секторе экономики);

– доля работников с низким уровнем оплаты труда (почасовая заработная плата которых составляет – для развитых стран – менее 2/3 от медиан-

ного почасового заработка всех работников, для развивающихся стран – хотя бы ПМ);

– доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов (свыше 48 часов) и др. [15].

Наблюдение за данными показателями позволяет не только указывать на нежелание работать со стороны наемных работников, но и давать заключение об уровне незащищенной со стороны государства занятости, т.е. о неэффективной работе соответствующих государственных институтов.

Росстатом представлен ряд данных, называемых «индикаторами достойного труда», рассчитываемыми в соответствии с рекомендациями Международной организации труда. Кроме проблем серьезных искажений, эти данные лишь выборочно учитывают рекомендации МОТ и в таком виде не позволяют проводить анализ уровня незащищенной занятости в России.

По данным Росстата, за период 2001–2017 гг. ситуация на российском рынке труда только улучшалась:

– увеличивалась с 54,2 до 65,5% доля занятых лиц в общей численности населения в возрасте 15–72 лет;

– снижался уровень безработицы с 8,9 до 5,2%; уменьшалась с 15,7 до 12,9% доля молодежи, которая не учится и не работает в возрасте 15–24 лет, в общей численности населения соответствующей возрастной группы;

– снижалась с 23,9 до 7,3% доля работающих бедных;

– снижалась с 7,3 до 3,7% доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов;

– снижался гендерный разрыв в оплате труда с 36,8% в 2001 г. до 24,4% в 2015 г. и уровень производственного травматизма со смертельным исходом (на 100 тыс. работающих человек) – с 15 до 6,2 чел. в 2001 и 2016 гг. соответственно.

За 2001–2017 гг. с 2,5 до 12,7% к ВВП (т.е. в 5 раз) увеличились также государственные расходы на социальную политику.

Ухудшилась ситуация лишь по немногим показателям:

– с 18,3 до 23% увеличилась доля населения, получающего пенсии (трудовые пенсии);

– с 14,1 до 19,8% возросла, согласно расчетам Росстата, доля неформального сектора в общей занятости;

– при сокращении в несколько раз уровня производственного травматизма со смертельным и несмертельным исходом количество потерянных рабочих дней в случае временной нетрудоспособности на одного пострадавшего увеличилось с 28,4 до 49,0 дней соответственно в 2001 и 2017 гг. [16].

Эти данные создают видимость благополучия, но, к сожалению, уже серьезно отличаются от реальной ситуации как на рынке труда, так и по уровню жизни населения, в том числе и потому, что выборочно выполняют рекомендации МОТ. Например, в 5-м докладе Всемирного банка «Женщины, бизнес и закон – 2018» двадцать одна страна в пяти регионах (в основном страны Ближнего Востока и Северной Африки, но также и Россия)

набрала 0 баллов по показателю «защита женщин от насилия». В России отсутствуют как законы об отягчающем наказании за домашнее насилие, так и законы, защищающие женщин от сексуальных домогательств на рабочем месте и в образовании. Законы, запрещающие сексуальные домогательства на рабочем месте, существуют в 130 из 189 стран, охваченных проектом «Женщины, бизнес и закон», в том числе во всех странах Южной Азии [17, с. 24]. Поэтому сравнение России в данном аспекте с более продвинутыми в защите прав женщин в сфере образования и занятости азиатскими странами неуместно.

По данным 4-го доклада «Женщины, бизнес и закон – 2016», в России было выявлено 456 конкретных специальностей, по которым женщинам отказывали в приеме на работу. В соответствии с позицией Всемирного банка разрыв в заработной плате, вероятно, был бы менее значителен там, где отсутствуют ограничения при приеме женщин на работу [18, с. 16], и, конечно, в тех странах, где женщины защищены от всех указанных выше видов насилия (домашнего как посягательства на их экономическую свободу со стороны довлеющих мужчин-насильников, сексуального в образовательной сфере и трудовых отношениях). Эти вопросы никак, к сожалению, не учтены в обследованиях Росстата, касающихся защиты женщин в России от дискриминации в сфере занятости.

По мнению авторов публикации «Работающие бедные в России и за рубежом», одной из основных причин возникновения и сохранения проблемы «работающих бедных» является установление государством на протяжении длительного периода величины МРОТ ниже величины ПМ трудоспособного населения [19, с. 3]. За период с 2005 по 2017 г. численность работающих бедных в России сократилась с 8,1 млн чел. до 2 млн чел. [19, с. 7], составив 7,3% работающих в 2017 г. против 24,4%, что соответствует приводимым на сайте Росстата данным. При этом в 36,1% российских регионов количество работающих бедных составляет от 10 до 29,9% всех работающих [19, с. 29].

При замене показателя «работающие бедные» на показатель «малоимущие, занятые в экономике» количество последних изменилось за 2005–2016 гг. мало – с 14,8 млн чел. (22,2% занятых) в 2005 г. до 12,1 млн чел. (16,5% занятых) в 2016 г. В связи с чем дается рекомендация по изменению методологии учета Росстатом работающих бедных с использованием подходов, принятых в ЕС [19, с. 8].

Росстат при этом также разделяет бедных работающих россиян на две категории – это работающие, находящиеся за чертой бедности (12 млн чел. в 2017 г.), и 2 млн граждан из этого числа, получающих зарплату ниже ПМ, представляя эти данные для СМИ [20]. По мнению экс-директора НИИ статистики Федеральной службы госстатистики В.М. Симчеры, работающих, находящихся за чертой бедности, – не 12 млн чел., а 30 млн, из которых 10 млн имеют теневые доходы, а 20 млн – действительно работающие бедные [21].

В данной публикации также приведены расчеты сравнения МРОТ с ПМ в России, показывающие нестабильность государственной политики в сфе-

ре установления данных показателей. Так, отношение МРОТ к ПМ колебалось от 22,1% в 2005 г. до 80% в 2009 г., снизившись затем до 58,5% в 2016 г. [19, с. 13].

Отношение МРОТ к средней заработной плате в России было с начала 1990-х гг. ниже, чем в европейских странах, составляя 8,4% в 2005 г., 24% в 2009 г. и 16,9% в 2016 г., в то время как в Латвии в 2015 г. оно находилось на уровне 43,1%, в Турции – на уровне 40% с учетом того, что в Латвии в 2011–2012 гг. показатель удельного веса оплаты труда наемных работников в % к ВВП, в текущих рыночных ценах был ниже, чем в России [19, с. 15–16].

Таким образом, МОТ определена планка относительного показателя бедности, которая соответствует и уровню экономического развития России, ее ведущим позициям в экспорте природных ресурсов, а именно 2/3 от средней заработной платы. При средней заработной плате в России в первом полугодии 2020 г. 52 123 руб. [22] минимальная заработная плата должна составлять 34 749 руб., что почти в 3 раза меньше МРОТ, установленного с 1 января 2020 г. на уровне 12 130 руб. [23]. В 2018 г. – впервые с введения с 2002 г. 133-й статьи Трудового кодекса РФ, предусматривающего равенство МРОТ и ПМ в России, де-факто, а не декларативно приравненного к законодательно установленному ПМ, – эта разница составляла 2,5 раза. С 1 января 2021 г. минимальный размер оплаты труда и прожиточный минимум должны рассчитываться по-новому – исходя из медианной зарплаты и медианного дохода [24].

При этом, безусловно, должны учитываться все виды доходов граждан – не только зарплаты, но и пенсии, на которые люди реально живут. Например, установленная с 1 января 2018 г. минимальная пенсия в Москве в размере 17 500 руб. для среднего общероссийского уровня являлась достаточно высокой, но в пересчете на среднюю заработную плату в Москве по состоянию на апрель 2018 г. (89 318 руб.) должна была быть 35 737,2 руб., поскольку цены на товары и услуги в Москве подтянуты к более высокой, чем по России, средней заработной плате в связи с повышенными выплатами государственным служащим федеральных органов власти, расположенных в Москве [25], и концентрацией миллиардеров и их партнеров по бизнесу. Аналогично целесообразно проводить анализ и осуществлять государственное регулирование и по всем другим российским регионам. Следует также отметить парадоксальность административно установленной высочайшей дифференциации заработной платы государственных и муниципальных служащих в России, которые, с одной стороны, получают самую высокую заработную плату в стране и одновременно, с другой стороны, насчитывают самое большое количество работающих бедных. «Если в 2011 году, – отмечается в публикации «Работающие бедные в России и за рубежом», – удельный вес работающих бедных в организациях государственной и муниципальной собственности был в два раза выше, чем в организациях негосударственной собственности, то в 2017 г. этот разрыв увеличился уже до четырех раз» [19, с. 17].

По нашим оценкам, на медицинское обслуживание, включающее не только бесплатную ограниченную диагностику болезней в поликлиниках и экстренную медицинскую помощь в больницах, но и расходы на дорогостоящие медикаменты даже при лечении простудных заболеваний, обследования на отсутствующем или недоступном из-за бюрократических барьеров диагностическом оборудовании (например, периодическое комплексное проведение УЗИ всех возможных органов в профилактических целях, а не одного какого-то органа по уже выраженным симптомам болезней), платную стоматологию и качественное протезирование, оздоровление и лечение в санаториях (для большинства населения платно), приобретение необходимой медицинской техники и спортивных тренажеров на дом требуется минимально 30 тыс. руб. в год, или 2,5 тыс. руб. в месяц. Учет расходов на образование школьников и медицину увеличил бы недооцененный в настоящее время ПМ на 6,5 тыс. руб. в месяц для школьников и на 2,5 тыс. руб. для остальных категорий граждан (трудоспособного населения и пенсионеров).

В Конвенции МОТ № 117 «Об основных целях и нормах социальной политики», принятой в 1962 г., которую Россия за все эти годы не ратифицировала, в ст. 5 перечислены те же основные потребности граждан, что и в Конвенции 131, а также подчеркивается, что ПМ устанавливается путем «официальных обследований жизненных условий, проводимых после консультаций с представительными организациями работодателей и работников» [26]. Иными словами, он не может устанавливаться административным путем, а должен опираться на реальные условия жизни низкодоходных групп населения, не имеющих иных возможностей повлиять на принятие объективного и грамотного государственного решения, кроме как через достоверные опросы представительной выборки нуждающихся в государственной поддержке категорий граждан.

Проведение опросов бедных семей, например, в Китае подтверждает наличие актуальной и для России проблемы различий между реальным положением бедных и параметрами обсуждения их уровня жизни в политической среде. Китайские политики не учитывают, что из-за дороговизны городской жизни реальный, а не номинальный ПМ выше в городах, чем в сельской местности, что определяет, по мнению исследователей, необходимость установления разных ПМ для городов и для сельской местности. Исследования также показали, что в Китае социальную помощь на практике получают семьи, имеющие доходы выше ПМ. А подавляющее большинство китайских семей, находящихся за чертой бедности, социальную помощь не получают [27]. В России также имеется существенная проблема доступности социальной помощи для действительно нуждающихся категорий граждан из-за недорегламентированности ее фактического предоставления, нередких случаев злоупотребления служебным положением должностными лицами на местах, существования негласной экономии на социальных выплатах большинству населения под давлением управленческой коррупции и распыления по этим причинам различных социальных выплат по разным каналам. Поэтому наибольший объем положенной по

нормам права социальной помощи получают те семьи, которые имеют возможность регулярно посещать все необходимые по процедуре инстанции, собирая для этого все необходимые (и нередко излишне требуемые) документы. Аудит полноты получения гражданами социальной помощи, а также регулярные обследования семей для оценки их реальных минимальных потребностей не проводятся, но должны, по нашему мнению, были бы проводиться для оценки эффективности мер федеральной и региональной социальной политики и информационной основы для пересмотра размеров ПМ и МРОТ.

В Конвенциях 131 и 117 МОТ подчеркнуто, что «повышение жизненного уровня рассматривается в качестве основной цели при планировании экономического развития».

В связи с этим расходы на питание должны соответствовать медицинским нормам рационального питания (не могут из-за неполноты их оценивания наносить вред здоровью малообеспеченных групп населения) и реальным, а не виртуальным ценам на продукты питания в регионах, опираясь, повторим, на ежеквартальные обследования ситуации на местах, опросы низкодоходных слоев граждан, что раньше не делалось. В 2016 г. Минздравом России были утверждены нормы здорового питания [28]. Как заявил в интервью «Российской газете» министр труда и социальной защиты России М.А. Топилин, действующая потребительская корзина не соответствует нормам здорового питания в связи с «перебором» более дешевых по стоимости хлебных продуктов и картофеля при недостатке более дорогих мясных и рыбных продуктов, овощей и фруктов [29].

Расходы на одежду также должны опираться на данные опросов населения и учитывать региональные особенности ценообразования на одежду, а также различия в расходах на одежду, обусловливаемые природно-климатическими особенностями.

Расходы на жилище не конкретизируются в Конвенциях МОТ. В то же время включаются как жизненно необходимые и, безусловно, связаны как с приобретением (получением бесплатного) жилья и мебели, признанной жизненно необходимой бытовой техники, так и с оплатой всех жилищно-коммунальных услуг и периодическим проведением ремонта жилого помещения. Расходы на приобретение жилья, мебели, бытовой техники и ремонт в настоящее время не включаются в России в ПМ.

Последствия сохранения политики занижения ПМ и МРОТ в России как базовых социальных нормативов

В публикациях многих российских исследователей отмечаются многочисленные недостатки и негативные последствия установления ПМ и МРОТ как на федеральном, так и на региональном уровне, подтверждающие значимость изменения политики установления данных базовых социальных нормативов.

По результатам общероссийского социологического исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенного Институтом со-

циологии РАН в апреле 2011 г., более 70% населения[1] полагает, что реформы 1990-х гг. в результате ошибок, неверно выбранной модели экономического и социального реформирования или по каким-то иным причинам привели к ухудшению практически во всех основных сферах жизни общества и государства и в первую очередь падению уровня жизни [30, с. 19]. А в этот период как раз и проводилось существенное изменение подходов к установлению ПМ и МРОТ на государственном уровне. Интересно при этом, что самооценка респондентами своих доходов в социологических опросах «всегда оказывается ниже официальной статистики как минимум в полтора раза» [30, с. 88].

Руководитель Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ) В.Н. Бобков, выступая против развития «экономики дешевого работника», приводит следующие данные, характеризующие процессы трансформации состава населения России по уровню материальной обеспеченности. Если в советский период, по его данным, почти не было «наиболее нуждающегося» населения, «низкообеспеченные» составляли чуть более 30% граждан, а большинство граждан – примерно 60% – принадлежало к «обеспеченным ниже среднего уровня», доли «средне» и «высокообеспеченных» слоев равнялись соответственно 6,7 и 0,7%, то за 20 лет и более структурирование общества по текущему потреблению, в том числе под влиянием политики ПМ и МРОТ, кардинально изменилось. «Наиболее нуждающиеся» слои населения, которых почти не было в советский период, выросли примерно в 90 раз и составили 17,4%. Удельный вес «низкообеспеченных» увеличился в 1,7 раза и составил 53,6%. В настоящее время два нижних неблагополучных по материальной обеспеченности слоя составляют 71%. В результате роста доли двух нижних социально неблагополучных слоев доля «среднеобеспеченных» слоев сократилась почти вдвое, составив 3,4% численности населения. Удельный вес «высокообеспеченных» россиян остался незначительным – равным 1,0%. В 1990 г. в условиях преобладания социально-экономической системы уравнительного распределения доходов более 90% населения имело доходы ниже среднего уровня материального достатка. Отмечается также, что «за 20 лет капиталистической трансформации более двух третей населения оказалось среди “наиболее нуждающихся” и “низкообеспеченных” по уровню текущего потребления. Вкупе с изменениями в долях слоев с разным уровнем материального достатка кардинально выросло социально-экономическое неравенство» [31, с. 19–20].

При этом ВЦУЖ не включает в состав рекомендуемого им ПМ мебель и электробытовые приборы, полагая, вероятно, что бедным они не нужны, но подчеркивая в то же время недопустимость формирования ПМ на основе непрозрачно представляемых ресурсных возможностей, а также существенное занижение в методике расчета ПМ расходов на сферу услуг [32].

По оценкам В. Жуковского, представленным в 2013 г., в целях сокращения социальной нагрузки на бюджет ПМ в России занижается в 2–

[1] Уровень материального достатка опрошенных при этом не конкретизируется.

2,5 раза, став – из-за необоснованного, чисто арифметического умножения продовольственной корзины на два и ее дооценки таким образом по непродовольственным товарам и учитываемым услугам – в большей степени статистической манипуляцией [33], а не инструментом борьбы с социальным неравенством.

К неурегулированным вопросам при установлении ПМ и МРОТ в России как базовых социальных нормативов исследователи относят также: необъективность формирования потребительской корзины; серьезное несоответствие реальных расходов низкодоходных групп населения и норм, заложенных в ПМ [34, 35]; необходимость учета фактического деления медицинских услуг в российских регионах на платные и бесплатные [36]; серьезные искажения официальных статистических данных в связи с высоким уровнем развития коррупции [37]. Вносятся предложения расчета ПМ по методике Геллера, включающей около 300 наименований товаров и услуг, отражающих минимальные потребности населения [38], повышения уровня социальной ответственности российских муниципальных образований на основе роста конкурентоспособности российских городов [39–41], применения в качестве критериев эффективности социальной политики изменения количества бедных и глубины социального неравенства [42–43], включения показателя дифференцированной смертности в исследования эффективности государственной социальной поддержки как учета факта сокращения продолжительности жизни групп с низкими доходами по причине их более раннего, чем представителей групп со средними и высокими доходами, выхода на работу [44].

Заключение

В любой стране мира ПМ и минимальная заработная плата выступают не просто формальными расчетными показателями для установления разного рода выплат, а являются, по нашему мнению, ключевыми регуляторами изменений уровня жизни, определяя как его повышение, так и его снижение. Важнейшими характеристиками установления ПМ и МРОТ выступают точность исходных данных, которые возможно получить только в ходе регулярных социологических обследований бедных семей, и научная обоснованность, заключающаяся в надежности вопросов данных обследований и учете рациональных норм потребления продуктов питания, соблюдения здорового образа жизни при планировании необходимых расходов на предупредительную медицину и соблюдение стандартов лечения болезней, предусматривающих определенные расходы.

Литература

1. *Федеральный* закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2021).

2. *Lucci P., Bhatkal T., Khan A.* Are we underestimating urban poverty? // World Development. March 2018. Vol. 103. P. 297–310. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.10.022

3. *Zhang C., Xu Q., Zhou X., Zhang X., Xie Y.* Are poverty rates underestimated in China? New evidence from four recent surveys // China Economic Review. December. 2014. Vol. 31. P. 410–425. DOI: 10.1016/j.chieco.2014.05.017

4. *Landefeld J.C.,' Burmaster K.B., Rehkopf D.H., Syme S.L., Lahiff M., Adler-Milstein S., Fernald L.C.H.* The association between a living wage and subjective social status and self-rated health: A quasi-experimental study in the Dominican Republic // Social Science & Medicine. November 2014. Vol. 121. P. 91–97. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.09.051

5. *Racine A.D.* Child Poverty and the Health Care System // Academic Pediatrics. April 2016. Vol. 16, is. 3. P. S83–S89. DOI: 10.1016/j.acap.2015.12.002

6. *Lund C., De Silva M., Plagerson S., Cooper S., Chisholm D., Das J., Knapp M., Patel V.* Poverty and mental disorders: breaking the cycle in low-income and middle-income countries // The Lancet. October 2011. Vol. 378, is. 9801. P. 1502–1514. DOI: 10.1016/S0140-6736(11)60754-X

7. *Raissian K.M., Bullinger L.R.* Money matters: Does the minimum wage affect child maltreatment rates? // Children and Youth Services Review. January 2017. Vol. 72. P. 60–70. DOI: 10.1016/j.childyouth.2016.09.033

8. *Yamada K.* Tracing the impact of large minimum wage changes on household welfare in Indonesia // European Economic Review. August 2016. Vol. 87. P. 287–303. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2016.05.008

9. *Pollin R.* What is a living wage?: Considerations from Santa Monica, CA // Review of Radical Political Economics. Summer 2002. Vol. 34, is. 3. P. 267–273. DOI: 10.1016/S0486-6134(02)00167-5

10. *Преамбула* Конвенции 131 МОТ о об установлении минимальной заработной платы с особым учетом развивающихся стран. Женева, 1970. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_norm/@normes/documents/normativeinstrument/wcms_c131_ru.htm (дата обращения: 15.02.2021).

11. *Конвенция* 82 МОТ о социальной политике на территориях вне метрополии. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/ normativeinstrument/wcms_c082_ru.htm (дата обращения: 15.02.2021).

12. *Конвенция* 102 МОТ о минимальных нормах социального обеспечения. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

13. *Государственная* Дума приняла 19 июля 2018 г. в первом чтении проект федерального закона «О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102)» // Сайт ГД РФ. 19.07.2018. URL: http://duma.gov.ru/news/27664/ (дата обращения: 15.02.2021).

14. *Приложение* к Разделу XI Конвенции 102 МОТ о минимальных нормах социального обеспечения. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

15. *Национальная* политика в сфере занятости: руководство для представительных организаций работников // Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии. М. : МБТ, 2015. 216 с.

16. *Индикаторы* достойного труда за 2001–2017 гг. / Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения: 15.02.2021).

17. *Женщины*, бизнес и закон – 2018. Основные выводы. Вашингтон : Всемирный банк, 2018. 28 с.

18. *Женщины*, бизнес и закон – 2016. Основные выводы. Вашингтон : Всемирный банк, 2016. 30 с.

19. *Трубин В., Николаева Н., Горвиц С., Палеева М., Хусаинова А.* Работающие бедные в России и за рубежом. Социальный бюллетень. М. : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. 34 с.

20. *Росстат*: Более 12 миллионов работающих россиян находятся за чертой бедности // Ведомости. 31.10.2017. URL: https://echo.msk.ru/news/2083740-echo.html (дата обращения: 15.02.2021).

21. *Сколько* бедных в России? // АиФ. 27.11.2017. URL: http://www.aif.ru/dontknows/actual/skolko_bednyh_v_rossii (дата обращения: 15.02.2021).

22. *Средняя* зарплата в России в июне составила 52 тысячи рублей // Национальная служба новостей. 20 августа 2020 г. URL: https://nsn.fm/economy/srednyaya-zarplata-v-rossii-v-iune-sostavila-52-tysyachi-rublei (дата обращения: 15.02.2021).

23. *Петрова Е.* Первомайская бедность: в России выросла «минималка» // Газета.ru. 01.05.2018. URL: https://www.gazeta.ru/business/2018/04/27/11732407.shtml (дата обращения: 15.02.2021).

24. *Федеральный* закон от 29.12.2020 г. № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_... (дата обращения: 15.02.2021).

25. *Раскрыты* зарплаты российских чиновников // Лента.ру. 5 марта 2018 г. URL: https://lenta.ru/news/2018/03/05/salary/ (дата обращения: 15.02.2021).

26. *Конвенция* 117 МОТ об основных целях и нормах социальной политики. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c117_ru.htm (дата обращения: 15.02.2021).

27. *Westmore B.* Do government transfers reduce poverty in China? Micro evidence from five regions // China Economic Review. October 2018. Vol. 51. P. 59–69. DOI: 10.1016/j.chieco.2018.05.009

28. *Рекомендации* по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающие современным требованиям здорового питания (утверждены Приказом Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614). URL: https://garant.ru/products/ipo/prime/doc... (дата обращения: 15.02.2021).

29. *Гусенко М.* Топилин: В потребительскую корзину добавят мяса и рыбы // Российская газета. 9.01.2018. URL: https://rg.ru/2018/01/09/maksim-topilin-v-potrebitelskuiu-korzinu-dobaviat-miasa-i-ryby.html (дата обращения: 15.02.2021).

30. *Двадцать* лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад. М. : Институт социологии РАН, 2011. 304 с.

31. *Бобков В.Н.* Удручающие социальные результаты двадцатилетней капиталистической трансформации России // Российский экономический журнал. 2012. № 2. С. 10–28.

32. *Литвинов В.А.* Прожиточный минимум в системе потребительских бюджетов // Уровень жизни населения регионов России. 2007. № 7. С. 16–26.

33. *Самедова Е.* Эксперты: Прожиточный минимум в России искусственно занижен // DW. 02.01.2013. URL: https://p.dw.com/p/17CAv (дата обращения: 15.02.2021).

34. *Борсук Д.А., Шевцов В.В.* О минимальном размере оплаты труда и прожиточном минимуме в современной России // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 6. С. 141–143.

35. *Маллаева М.И.* Прожиточный минимум в системе социальной защиты населения: методический аспект // Труд и социальные отношения. 2009. № 8. С. 29–35.

36. *Румянцева Е.* Мониторинг национальных систем здравоохранения. // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 2. С. 92–99. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-92-99

37. *Румянцева Е.Е.* Парадоксы современного этапа развития экономики России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 2. С. 46–56.

38. *Скузоватова О.Г.* «Прожиточный минимум» как определяющая константа развития российского общества // Труд и социальные отношения. 2013. № 1. С. 22–36.

39. *Строев П.В., Раваев М.Н.* Городские агломерации как элемент региональной политики (на примере Канады) // Экономика в промышленности. 2016. № 2. С. 183–190.

40. *Строев П.В., Решетников С.Б.* «Умный город» как новый этап городского развития // Экономика в промышленности. 2017. Т. 10, № 3. С. 207–214.

41. *Effing R., Groot B.P.* Social smart city: introducing digital and social strategies for participatory governance in smart cities // Lecture Notes in Computer Science. 2016. Vol. 9820. P. 241–252.

42. *Plagerson S., Patel L., Hochfeld T., Ulriksen M.S.* Social policy in South Africa: Navigating the route to social development // World Development. January 2019. Vol. 113. P. 1–9. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.08.019

43. *Румянцева Е.Е.* Об эффективности управления: значимые критерии поощрений или наказаний // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 4. С. 134–142.

44. *Bishnu M., Guo N.L., Kumru C.S.* Social Security with Differential Mortality. 14 November, 2018. URL: https://www.isid.ac.in/~mbishnu/DIfferential%20Mortality.pdf (date of access: 09.12.2019).

Regional Subsistence Minimum and the Minimum Wage: Problems of Simplifying Approaches and Distorting the Real Needs of the Population

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 54. pp. 93–109. DOI: 10.17223/19988648/53/4

Elena E. Rumyantseva, Economic Policy and Business Center (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.p.centre@mail.ru

Oleg L. Shutov, Kuban Institute of Professional Education (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: oshutov68@gmail.com

Keywords: subsistence minimum, minimum wage, poverty, social inequality, living standards, social standards, sociological surveys of population, effectiveness of social policy, International Labor Organization, distortion of statistical data, gender differences, decent work, unprotected employment.

The subsistence minimum and the minimum wage, being basic social standards, not only formally determine the poverty threshold, but also act as the most important instruments of the state regulation of the living and poverty standard, exerting a noticeable effect on both its increase and its decrease. The discussion about the calculation methods, which has been carried out since the beginning of the 1990s, has not ended, and the subsistence minimum and the minimum wage turned out to be so underestimated and at the same time distorted that not only independent experts, relatively free in their assessments, but also the Russian Federation government analysts, previously censoring the publications, state the need to change the approaches to the establishment of the living wage and the minimum wage at the federal and regional levels. In Russia in the recent years, the number of the poor has been growing, and the phenomenon of the growing working poverty has also been noted. Since January 2021, changes in the methodology for the subsistence minimum and the minimum wage calculating have been made, but not in the direction of their more labor-intensive scientific justification, but, on the contrary, in the direction of the even greater simplification. These social standards are now tied as a percentage to the median wage. In the case of an increase between the real minimum needs of the population and the estimated ones, this can be a significant cause of social conflicts. The authors propose to change the practice of applying a simplified approach to the subsistence minimum and minimum wage calculating, the other state regulation instruments of the living and poverty standard in the country and, on the basis of an all-Russian discussion of the state regulation system of the living and poverty standard in Russia with the professional and independent experts, adopt a new methodology, based, according to the requirements of the International Labor Organization, on the sociological surveys method, which will measure the real incomes and expenditures of low-income groups, a normative method reflecting rational consumption norms corresponding to a healthy lifestyle, as well as a method of observing macroeconomic proportions adopted by the international community called relative poverty. The complex application of these methods is, according to the authors,

a promising development of scientific research and a change in the content of the legislation in this area. The main result of the transition to a new methodology for establishing the living wage and the minimum wage by federal and regional legislation in Russia in the context of reducing the differentiation in wages of the state and municipal employees and the public sector employees will be a decrease in the number of the poor and a decrease in the degree of the social inequality. An increase in the number of the poverty growth problem research in Russia is also urgent.

References

1. Russian Federation. (2018) *Federal Law of 24.10.1997, No. 134-FZ (as amended on 29.07.2018) "On the cost of living in the Russian Federation"* [Online] Available from: http://www.pravo.gov.ru (Accessed: 15.02.2021). (In Russian).

2. Lucci, P., Bhatkal, T. & Khan, A. (2018) Are we underestimating urban poverty? *World Development*. 103. pp. 297–310. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.10.022

3. Zhang, C. et al. (2014) Are poverty rates underestimated in China? New evidence from four recent surveys. *China Economic Review*. 31. pp. 410–425. DOI: 10.1016/j.chieco.2014.05.017

4. Landefeld, J.C. et al. (2014) The association between a living wage and subjective social status and self-rated health: A quasi-experimental study in the Dominican Republic. *Social Science & Medicine*. 121. pp. 91–97. DOI: 10.1016/j.socscimed.2014.09.051

5. Racine, A.D. (2016) Child Poverty and the Health Care System. *Academic Pediatrics*. 3 (16). pp. S83–S89. DOI: 10.1016/j.acap.2015.12.002

6. Lund, C. et al. (2011) Poverty and mental disorders: breaking the cycle in low-income and middle-income countries. *The Lancet*. 9801 (378). pp. 1502–1514. DOI: 10.1016/S0140-6736(11)60754-X

7. Raissian, K.M. & Bullinger, L.R. (2017) Money matters: Does the minimum wage affect child maltreatment rates? *Children and Youth Services Review*. 72. pp. 60–70. DOI: 10.1016/j.childyouth.2016.09.033

8. Yamada, K. (87) Tracing the impact of large minimum wage changes on household welfare in Indonesia. *European Economic Review*. 87. pp. 287–303. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2016.05.008

9. Pollin, R. (2002) What is a living wage?: Considerations from Santa Monica, CA. *Review of Radical Political Economics*. 3 (34). pp. 267–273. DOI: 10.1016/S0486-6134(02)00167-5

10. ILO. (1970) *Preambula Konventsii 131 MOT o ob ustanovlenii minimal'noy zarabotnoy platy s osobym uchetom razvivayushchikhsya stran* [Preamble to ILO Convention No. 131 concerning the fixing of minimum wages, with particular regard to developing countrie]. [Online] Available from: https://www.ilo.org/ wcmsp5/groups/public/@ed_norm/ @normes/documents/normativeinstrument/wcms_c131_ru.htm (Accessed: 15.02.2021).

11. ILO. (1947) *Konventsiya 82 MOT o sotsial'noy politike na territoriyakh vne metropolii* [ILO Social Policy (Non-Metropolitan Territories*)* Convention No. 82*]*. [Online] Available from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/ normativeinstrument/wcms_c082_ru.htm (Accessed: 15.02.2021).

12. ILO. (1952) *Konventsiya 102 MOT o minimal'nykh normakh sotsial'nogo obespecheniya [*Social Security (Minimum Standards) Convention No. 102*]*. [Online] Available from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/ normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (Accessed: 15.02.2021).

13. RF State Duma. (2018) *On July 19, 2018, in the first reading, the State Duma adopted the draft federal law "On the ratification of Social Security (Minimum Standards) Convention No. 102"*. [Online] Available from: http://duma.gov.ru/news/27664/ (Accessed: 15.02.2021). (In Russian).

14. ILO. (2021) *Prilozhenie k Razdelu XI Konventsii 102 MOT o minimal'nykh normakh sotsial'nogo obespecheniya* [Appendix to Section XI of ILO Convention 102 on minimum

standards of social security]. [Online] Available from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c102_ru.pdf (Accessed: 15.02.2021).

15. ILO. (2015) *Natsional'naya politika v sfere zanyatosti: Rukovodstvo dlya predstavitel'nykh organizatsiy rabotnikov* [National Employment Policies: A Guide for Representative Workers' Organizations]. Moscow: ILO.

16. Rosstat. (2017) *Indikatory dostoynogo truda za 2001–2017 gg.* [Decent Work Indicators 2001–2017]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (Accessed: 15.02.2021).

17. World Bank. (2018) *Zhenshchiny, biznes i zakon – 2018. Osnovnye vyvody* [Women, Business and the Law–2018. Key Findings]. Washington: World Bank.

18. World Bank. (2016) *Zhenshchiny, biznes i zakon – 2016. Osnovnye vyvody* [Women, Business and the Law–2016. Key Findings]. Washington: World Bank.

19. Trubin, V. et al. (2017) *Rabotayushchie bednye v Rossii i za rubezhom. Sotsial'nyy byulleten'* [The working poor in Russia and abroad. Social bulletin]. Moscow: Analiticheskiy tsentr pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii.

20. *Vedomosti*. (2017) Rosstat: Bolee 12 millionov rabotayushchikh rossiyan nakhodyatsya za chertoy bednosti [Rosstat: More than 12 million working Russians are below the poverty line]. [Online] Available from: https://echo.msk.ru/news/2083740-echo.html (Accessed: 15.02.2021).

21. *AiF*. (2017) Skol'ko bednykh v Rossii? [How many poor people are there in Russia?]. [Online] Available from: http://www.aif.ru/dontknows/actual/skolko_bednyh_v_rossii (Accessed: 15.02.2021).

22. Nsn.fm. (2020) Srednyaya zarplata v Rossii v iyune sostavila 52 tysyachi rubley [The average salary in Russia in June was 52 thousand rubles]. *Natsional'naya sluzhba novostey*. 20 August. [Online] Available from: https://nsn.fm/economy/srednyaya-zarplata-v-rossii-v-iune-sostavila-52-tysyachi-rublei (Accessed: 15.02.2021).

23. Petrova, E. (2018) Pervomayskaya bednost': v Rossii vyrosla "minimalka" [May Day Poverty: "Minimum Wage" has grown in Russia]. *Gazeta.ru.* [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/business/2018/04/27/11732407.shtml (Accessed: 15.02.2021).

24. Consultant Plus. (2020) *Federal Law of December 29, 2020, No. 473-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372636/ (Accessed: 15.02.2021). (In Russian).

25. *Lenta.ru.* (2018) Raskryty zarplaty rossiyskikh chinovnikov [The salaries of Russian officials are disclosed]. [Online] Available from: https://lenta.ru/news/2018/03/05/salary/ (Accessed: 15.02.2021).

26. ILO. (1962) *Konventsiya 117 MOT ob osnovnykh tselyakh i normakh sotsial'noy politiki* [Social Policy (Basic Aims and Standards) Convention, 1962 (No. 117)]. [Online] Available from: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normati-veinstrument/wcms_c117_ru.htm (Accessed: 15.02.2021).

27. Westmore, B. (2018) Do government transfers reduce poverty in China? Micro evidence from five regions. *China Economic Review.* 51. pp. 59–69. DOI: 10.1016/j.chieco.2018.05.009

28. Garant. (2016) *Recommendations for rational norms of food consumption that meet modern requirements for a healthy diet (approved by Order of the Ministry of Health of Russia of August 19, 2016, No. 614)*. [Online] Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71385784/ (Accessed: 15.02.2021). (In Russian).

29. Gusenko, M. (2018) Topilin: V potrebitel'skuyu korzinu dobavyat myasa i ryby [Topilin: Meat and fish will be added to the consumer basket]. *Rossiyskaya gazeta.* 9 January. [Online] Available from: https://rg.ru/2018/01/09/maksim-topilin-v-potrebitelskuiu-korzinu-dobaviat-miasa-i-ryby.html (Accessed: 15.02.2021).

30. Institute of Sociology, RAS. (2011) *Dvadtsat' let reform glazami rossiyan (opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov). Analiticheskiy doklad* [Twenty years of reforms through the eyes of Russians (the experience of many years of sociological measurements). Analytical report]. Moscow: Institute of Sociology RAS.

31. Bobkov, V.N. (2012) Udruchayushchie sotsial'nye rezul'taty dvadtsatiletney kapitalisticheskoy transformatsii Rossii [Depressing social results of the twenty years of capitalist transformation of Russia]. *Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal.* 2. pp. 10–28.

32. Litvinov, V.A. (2007) Prozhitochnyy minimum v sisteme potrebitel'skikh byudzhetov [Subsistence minimum in the system of consumer budgets]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 7. pp. 16–26.

33. Samedova, E. (2013) *Eksperty: Prozhitochnyy minimum v Rossii iskusstvenno zanizhen* [Experts: The subsistence minimum in Russia is artificially underestimated]. [Online] Available from: https://p.dw.com/p/17CAv (Accessed: 15.02.2021).

34. Borsuk, D.A. & Shevtsov, V.V. (2018) O minimal'nom razmere oplaty truda i prozhitochnom minimume v sovremennoy Rossii [On the minimum wage and living wage in modern Russia]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 6. pp. 141–143.

35. Mallaeva, M.I. (2009) Prozhitochnyy minimum v sisteme sotsial'noy zashchity naseleniya: metodicheskiy aspekt [Subsistence minimum in the system of social protection of the population: methodological aspect]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*. 8. pp. 29–35.

36. Rumyantseva, E. (2018) Monitoring of National Health Systems. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya.* 2 (62). pp. 92–99. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-92-99

37. Rumyantseva, E.E. (2018) Paradoksy sovremennogo etapa razvitiya ekonomiki Rossii [Paradoxes of the current stage of Russian economy's development]. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya: Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment*. 2. pp. 46–56.

38. Skuzovatova, O.G. (2013) "Prozhitochnyy minimum" kak opredelyayushchaya konstanta razvitiya rossiyskogo obshchestva ["Subsistence minimum" as a defining constant of Russian society's development]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*. 1. pp. 22–36.

39. Stroev, P.V. & Ravaev, M.N. (2016) Gorodskie aglomeratsii kak element regional'noy politiki (na primere Kanady) [Urban agglomerations as an element of regional policy (on the example of Canada)]. *Ekonomika v promyshlennosti.* 2. pp. 183–190.

40. Stroev, P.V. & Reshetnikov, S.B. (2017) "Umnyy gorod" kak novyy etap gorodskogo razvitiya ["Smart City" as a New Stage of Urban Development]. *Ekonomika v promyshlennosti*.3 (10). pp. 207–214.

41. Effing, R. & Groot, B.P. (2016) Social smart city: introducing digital and social strategies for participatory governance in smart cities. *Lecture Notes in Computer Science*. 9820. pp. 241–252.

42. Plagerson, S. et al. (2019) Social policy in South Africa: Navigating the route to social development. *World Development.* 113. pp. 1–9. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.08.019.

43. Rumyantseva, E.E. (2018) Ob effektivnosti upravleniya: znachimye kriterii pooshchreniy ili nakazaniy [On management effectiveness: significant criteria for rewards or punishments]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 4. pp. 134–142.

44. Bishnu, M., Guo, N.L. & Kumru, C.S. (2018) *Social Security with Differential Mortality*. [Online] Available from: https://www.isid.ac.in/~mbishnu/DIffe-rential%20Mortality.pdf (Accessed: 09.12.2019).